

ДЕРЕВЬЯ В КАЛЕНДАРНЫХ ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ЗИМНИЕ СВЯТКИ)

СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА СИТНИКОВА

(Тверской филиал Института славянской культуры при Российском государственном университете им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство):
Российская Федерация, 170100, г. Тверь, Смоленский пер., д. 1/1)

***Аннотация.** В основу данной работы положен фольклорно-этнографический материал о сохранившихся реликтах сакрального отношения к растениям в зимней святочной обрядности из нескольких районов Тверской области, зафиксированный автором в ходе многолетнего экспедиционного обследования этого края, а также обнаруженный в печатных научных источниках. В связи с заявленной темой в статье рассматриваются свидетельства о тверских традиционных зимних календарно-аграрных практиках, использующих растительные атрибуты и их символы.*

Для статьи отобраны свидетельства об архаичных календарных проявлениях почитания дикорастущих и культурных деревьев. Фольклорно-этнографические данные сгруппированы по ритуально-магическим (заклинательным) и пророческим функциям конкретных растений в обряде. В статье отмечены примеры участия деревьев, маркирующих ритуальный центр, в обрядовых эпизодах зимних Святков, которые соотносятся с фрагментами свадебной обрядности. Другая грань обрядовых функций тверского дендрария, которая представлена в работе, связана со священным статусом определенных растений в тверском календаре. Он позволяет вовлечь их в обряд как сакральный локус или сакральный атрибут, что должно обеспечить действенность магических заклинаний и пророчеств. Кроме того, рассмотрены сохранившиеся в обрядах отголоски тверских традиционных мифопоэтических представлений о растениях как символических заместителей человека.

Ключевые слова: обрядовое дерево, календарная традиция, ритуальный центр, сакральный локус.

Тверская традиционная календарная обрядность сохранила довольно богатый ряд вариантов выражения сакрального, ритуально-магического значения определенного круга растений. Различные формы проявления фитолатрии в тверской традиционной культуре связаны, с одной стороны, с универсальным для многих народов представлением Вселенной в образе Дерева, ритуальным вариантом которого выступает дерево обрядовое, помещаемое в значимые локусы

традиционного праздничного действия, с другой — с мифопоэтическим осмыслением человека в растительных категориях, т.е. с рассмотрением растения как культурной метафоры человека.

При изучении растений, тем или иным образом включенных народной традицией в тверскую календарно-аграрную обрядовую систему, исследователь в первую очередь обнаруживает, что видимое, если не ключевое, место в обрядах занимает **образ дерева**. К примеру, зимний период

(Святки) характеризуется обрядовыми эпизодами, в которые активно вовлечены такие распространенные на Тверской земле деревья, как **ель**, **сосна**, **яблоня** и **береза**.

ЕЛЬ, СОСНА

Принято считать, что еловое дерево, которое является символом зимнего новогодья, не может быть отнесено к традиционному обрядовому атрибуту в русской традиции, поскольку обычай украшать дома елью, как известно, заимствован у немцев и внедрен повсеместно относительно недавно. Однако надо учесть тот факт, что изначально «...в Западной Европе внесение в дом елки как дерева, хранящего летнюю зеленую окраску даже зимой и, следовательно, обладающего какой-то особой способностью не поддаваться зимней смерти, имело обрядовое значение» [Пропп 1995, 67].

Надо сказать, что в 60-х годах XX в. банк фольклорно-этнографических данных, которым располагала наука того времени, дал основание автору известного труда «Русские аграрные праздники» В. Я. Проппу в размышлениях о культуре растительности в русской народной календарной традиции назвать ель и сосну в числе растений, не характерных для русского фольклора. В своей монографии он написал буквально следующее: «Темная, буроватая ель и сосна в русском фольклоре не пользуются особым почетом, может быть, и потому, что огромные пространства наших степей и лесостепей их не знают. Любимое дерево русских песен и русских обрядов — березка» [Пропп 1995, 67].

Однако уже наш современник, В. Н. Топоров, утверждал, что новогодняя или рождественская елка является, «...вопреки часто высказываемому мнению, не нововведением, а просто поздней заменой очень древнего обычая» [Топоров 2010, 284–285]. Кроме того, по имеющимся у нас фольклорно-этнографическим данным, **ель** (наряду с **сосной**) выполняет немало исконных ритуальных магических функций в ряде обрядовых календарных эпизодов и в принципе является священным деревом у разных народов, населяющих Россию, в том числе и на Тверской земле. Например, в устной традиции сохранилось предание, что в Тверской области

однажды на **ели** была обнаружена икона. Ее отнесли в деревню в церковь, но икона вновь оказалась на этой ели: «Тогда поняли, что Богородица хочет, чтобы церковь была на этом месте» [Мифологические рассказы 1996, № 419].

В тверской традиции ель и сосна являются повсеместным святочным обрядовым атрибутом в рождественских, новогодних и крещенских магических обрядовых практиках.

В святочных бесчинствах молодежи в Осташковском районе Тверской области зафиксирована рождественская традиция устанавливать **елку** в трубе на крыше дома. По свидетельству старожил, такую шутку проделывали не просто с соседями. Как правило, елку в трубу ставили на крыши домов, где жили девушки на выданье или даже избранницы тех парней, которые «проказят».

«В Святки с 6 на 7 января молодежь чудила: ставили на крышу в трубу елку» (Зап. от Ангелины Сергеевны Сергеевой, 1944 г. р. (урож. с. Щучье), Осташковский р-н, с. Святое. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

«На Святки парни куралесили, ставили в трубу елку, это обязательно, как закон, и я ставил, а как же. Вот девчонка кому понравится, в тот дом и ставят» (Зап. от Александра Дмитриевича Никитина, 1946 г. р., Осташковский р-н, с. Себрово. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

Точные сходжения с тверскими святочными ритуальными манипуляциями с **елью** зафиксированы в русских селах Оршанского района Республики Марий Эл, в которых проживают выходцы из Вятки: «Бывало — в трубу!!! Ведь вот надо вот залести по крыше-то и в трубу, елку-то!!! Печь зачнут топить, дым-от-то не идет, полна изба дымом! Побежа-ат!!! Родители-то пугаются...» [Копылова 1999, 29].

Возможно, дополнительный свет на внутренний смысл этих действий с елью может пролить святочная традиция из тех же русских сел Оршанского района, в соответствии с которой под Новый год ряженые в вечернее время привозили большую елку из лесу и волокли ее по деревне. Причем, «если хотят, чтобы девки вышли в чужие края, елку волокут за ствол», а если девушек жалко отдавать

в чужую деревню, то «волокут взадирку, за вершинку». Перед домом, где есть приглянувшаяся девушка, парень для своей избранницы вставлял в сугроб ветку от этой елки [Копылова 1999, 29].

Вероятно, стоит вспомнить и обрядовый эпизод традиционной тверской свадьбы, где фигурирует елочка как символ девичьей «красы». «Краса» «представляет собою елочку, или березку, или репейник, обвитые бумагой и разукрашенные разноцветными лентами, а сверху увенчанные куклой» [Кирсанов 2014, 18]. В некоторых тверских свадебных текстах — как, например, в ржевской свадебной песне — девушка-невеста прямо зовется сосной:

«Валят с корня, валят
Сосну красну-девицу,
Марьюшку-голубушку,
Во чужу сторонушку,
Ко чужим родителям»
[Традиционная культура Тверско-
го края 2014, 24].

Возможно, в вышеприведенных эпизодах святочных действий в образе ели и сосны в отголосочном виде переплелись мифо-ритуальное значение этих деревьев как мировой оси и растительная символизация девушки. Причем функция ритуального центра в свадебном обряде, выполняемая елочкой, сосенкой или другим растением, помещенным в центр свадебного стола, напрямую соотнесена с этой же ролью ели в календарном ритуале.

Как сакральный атрибут **еловое** и **сосновое** деревья задействованы в тверской традиции и в зимних святочных гаданиях. В них образ дерева вообще и ели, сосны в частности фигурирует в самых разных проявлениях. В одних случаях в гадании участвуют непосредственно ветви и хвоя ели или **сосны**.

«В Святки гадали. Вот раньше же вот озеро, срубят в лесу елок, а большие сосенок (елочек-то не давали особо) и поставят по озеру вешки. И вот на лошадаках прокладывают дорожку, везут вешки, рубят луночки по озеру и ставят туда елочку или сосенку, чтобы заметна была дорожка. По этой дорожке ходили в Осташков и обратно к себе домой. И вот молодые-то гадали так: до девятой вехи добегут, сломят веточку, иголочек возьмут в руку

и возвращаются. И вот эти игопочки положишь под подушку, и что тебе поснится. Ложатся спать и загадывают: «Девятая веха, покажи мне жениха». Чтобы приснился жених» (Зап. от Татьяны Ивановны Котовой, 1940 г. р. (урож. д. Подложье), д. Покровское, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2012 г.) [ФА ГАСК. № 13].

Уникальный вариант календарного прочествования с еловыми ветками в зимние святочные дни зафиксирован нами в с. Себрово Осташковского района: «Однажды на Святки я говорю: “Мам, посмотри, какое чудо идет!” Наряжена в широкий сарафан Колосова Александра Ивановна (ей тогда было годов 50), она такая чудная была, это невозможно. Около ней перехоходишь. Изображала, какая будет погода, прикидывалась предвестником. Жилетка, в рукавы по спине пропущена палка, и на эту палку рукавы, как будто четыре руки. Встанет с севера на юг и рулит руками. Помашет еловыми ветками, куда повернет руки. Если она помашет на север, значит, будет ветер северный и лето будет холодное, если помашет на юг, то горячее лето, если она с востока на запад махнет — то оттуда будет дождь, а на восток помашет, лето будет ветренное, ветер будет без дождя. В рождественскую неделю предсказывала, какое будет лето. Она и толковала: “Запомните, меня не будет, а вы останетесь...” Потому что она старая, она умрет, а мы, молодые, останемся, мы должны знать, она учила, вразумляла нас. На голову платок, в руках еловые ветки, лицо сажей намажет, в каждом доме в печку залезет, лоб намажет, щеки намажет, усы свеклиной, изображала женщину. Как будто она пришла откуда-то, как вестник, не естественная женщина, а пришла откуда-то сверху от предков, как приведение. На ногах валенки, сверху лапти — разукрашенные красным (свеклой) и черным (сажей).

Она пришла, почудила у нас, потом к другому дому, к другому. Вокруг нее много людей — не пробитесь. Идет по деревне, песню сплет, частушку, мужикам сплет — с картинками. Ей дадут баранки, кто что дадут. Муж ругается, а ей невтерпеж, ей все равно хочется почудить: “Слушайте, смотрите, что я буду делать...” Потом покажет варежкой с елкой и с колокольчиком, помашет, позвонит колокольчиком, повернется несколько раз, потопает и уходит, но уходя толковала на будущее:

«Вот в этих двух неделях есть какой-то заветный день. Если в этот день (Новый год, например, в среду) подует с севера — лето будет холодное и т.п.» Стала примечать — и сходилась» (Зап. от Крыловой (Лысановой) Тамары Яковлевны, 1932 г. р. (урож. д. Рвеницы), с. Себрово, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.).

Приведенное описание внешнего вида обрядового святочного женского персонажа, «предвестника» в широком сарафане и с еловыми ветками в руках, невольно вызывает в памяти женские священные образы в сюжетах тверских полотенец. Многие из них изображены действительно в широких юбках и с еловыми ветвями в руках. На конце полотенца из д. Игнатьево Торжокского района, к примеру, изображена в трехкратном повторении женская фигура в широкой юбке с поднятыми вверх руками-елками. Крупный план, звездное окружение и расположенность на полотне в верхнем ярусе, над селением (чередой домов и деревьев) — все это свидетельствует о бережливой традицией народной вышивки стремлении передать божественную суть женского образа и сакральный характер изображаемого события (фото 1). В одном из тверских полотняных сюжетов (фото 2) центральная фигура на полотенце представляет собой полуженщину в широкой узорной юбке — полудерево. Небесное положение богини подтверждается ее окружающими ее звездами. Причем вершина ели «прорастает» из головы, а две еловые ветви изображены на плечах и вместе с руками создают впечатление четырехрукости, подобное той, что демонстрировала ряженая «предвестница» в тверском святочном обряде.

Еще более поразительное сходство с внешним видом «предвестницы» из с. Себрово демонстрирует образ на полотенце из д. Явидово Торжокского района (фото 3). Центральная фигура призвана передать архаичное представление о женском порождающем божестве, воплощенном в виде столбообразного идола. В пользу того, что это изображение кумира, божества, свидетельствуют окружающие его звезды, центральное и доминирующее положение на конце полотенца, а также его идолоподобность. Женская ипостась божества

Фото 1. Полотенце из д. Игнатьево, Торжокский р-н, Тверская обл. (фотоархив автора)

Photo 1. Towel from Ignat'ev village, Torzhok district, Tver' region (photo taken by the author)

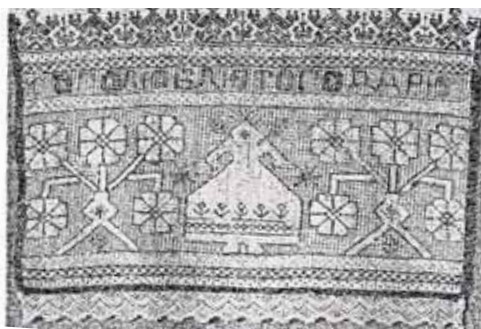

Фото 2. Полотенце из д. Беляево, Бежецкий р-н, Тверская обл.¹

Photo 2. Towel from D. Belyaev village, Bezhet'sk district, Tver' region

читается по крупному ромбическому знаку в самом центре идола, который, как известно, чаще всего трактуется исследователями как знак Матери — сырой земли. Голова божества увенчана двумя ветвистыми рогами. Но самое поразительное состоит в том, что фигура на вышивке имеет четыре руки, из которых две нижние удерживают по одной елочке. Все перечисленное выглядит замечательной иллюстрацией к материалу о ряженой «пророчице» из с. Себрово Осташковского района.

Настойчивое, неоднократное высказывание жительницы с. Себрово о том, что ряженая изображала «не естественную женщину», что она пришла «откуда-то сверху от предков» и что ее

¹ Богуславская И. Я. Народное искусство теблешан // Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения. Т. XXXVIII. М., 1963. С. 3–12. Рис. 3.

Фото 3. Полотенце из д. Явидово, Торжокский р-н, Тверская обл. (фотоархив автора)

Photo 3. Towel from Yavilovo village, Torzhok district, Tver' region (photo taken by the author)

предсказания «стали примечать — сходилось», позволяя предположить в этом святочном персонаже архаичные отзвуки действительно бытовавших когда-то особо почитаемых людей, которые, подобно жрецам, возглавляли новгородные ритуалы творения и пророчеств, представляя собой ритуальные варианты женского божества. Сажа на лице, которую «пророчица», заметим, брала «в каждом доме», сигнализирует о ее несомненной связи с предками, причем предками всех односельчан. Еловые ветки в руках, вероятно, отголоски представления о дереве, в данном случае о елке, как одном из воплощений женского божества, образ которого вышивался на полотенцах и который принимали на себя исполнители ритуала.

Отголосочное представление о ели как о воплощении священного женского покровителя отметил Д. К. Зеленин у северных соседей тверичан. Он сообщил, что русские Олонецкого края верили в способность елового дерева защитить человека и, «...намереваясь переночевать в лесу под елью, сначала договаривались

с деревом о ночлеге: “Ель-еленица, красная девица, оборони от темной ночи”» [Зеленин 1999, 177].

Вышеизложенные материалы невольно вызывают в памяти описание шествия исполнителей ритуального окликанья «с еловыми ветвями в руках» [Фаминцын 1895, 149], которое совершалось в Тверской губернии (это происходило в обряде проводов Масленицы, которая по своей природе является праздником новолетья [Агапкина 2002, 142]).

В гаданиях, которые можно отнести к разряду самых распространенных в тверской традиции, используются обожженные лучины ели или сосны, так называемые «огарки», которыми очерчивают себя гадающие на «крестах», т.е. на перекрестках дорог. «Бегали на перекрестки, круги чертили. Нащипают длинные лучинки, обычно из елки, сосны, нажгут этих угарков, чтобы чертить углем можно было. Будет виден черный круг. Вставали в круг и слушали. Одна слушает и говорит: “Ой, вон в той деревне Малиновка заиграли в гармошку, значит, я еще гулять буду, замуж не выйду!”» (Зап. от Анны Георгиевны Барановой, 1928 г. р., д. Черный Дор, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

С сосновыми лучинами были и другие гадания. Они состояли в следующем. Девушки компаниями в несколько человек шли святочным вечером к колодезю, пруду, ручью или другому водоему и опускали в воду щепу, а затем быстро бежали домой и зажигали ее. Чья лучина быстрее загорится, та девушка раньше выйдет замуж.

«На Крещение нащипаем лучину, идем к ручью, в воду опустим и — бегом домой. Чья вперед загорится, та и замуж выйдет» (Зап. от Марии Васильевны Богдановой, 1925 г. р. (урож. д. Задний Брод), пос. Пожня, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2004 г.) [ФА ГАСК. № 5].

«Лучину, бувало, жли. Щапають из сосны... И вот эту лучину намокнешь на святках в колодец. Приходишь, чья лучина вперед загорится, тая вперед замуж выйдет» (Зап. от Дарьи Никандровны Федоровой, 1915 г. р. (урож. д. Блиновка, Торопецкий р-н), г. Торопец, Тверская обл. Соб. С. А. Ситникова. 2005 г.) [ФА ГАСК. № 6].

«В зимние Святки вечером гадали на лучине. Привяжем сосновую лучину между ног. Идем к колодезю. Она шершунится

там, между ног. Помочим лучину в колодезной воде и — домой, зажигаем, чья вперед загорит, та замуж выйдет» (Зап. от Анастасии Семеновны Ермаковой, 1922 г. р. (урож. д. Кузовлево, Торопецкий р-н), д. Некрашово, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2004 г.) [ФА ГАСК. № 5].

В вышеприведенных гаданиях ель и сосна (сосновые или еловые ветви, щепы, лучины, хвоя) вовлечены в пророческие таинства как часть от сакрального целого, как часть от священного дерева, обладающего магическими свойствами.

В тверской святочной традиции также имеются гадания, в которых участвует лишь звуковой образ дерева, например, когда гадающему «послышится» треск падающего дерева или стук топора. «На Новый год ходили слушать на кресты — кому что слышится. Если замуж выйти — бубенцы, колокольчик; если умереть, то послышится, как деревья падают, трещат» (Зап. от Раисы Павловны Камшилиной, 1928 г. р. (урож. д. Кукарево), с. Себрово, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

«Зимние Святки с 7 января по 19. Гадали, ходили за ворота, где кресты, там слушали. Чертили круг, вставляли в него и загадывали: “Если выйду замуж, колокольчик зазвонит. Если я умру, дерево заскрипит”» (Зап. от Зинаиды Яковлевны Трубиной, 1932 г. р. (урож. д. Дуплё, Спировский р-н), д. Лукино, Вышневолоцкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

«Святошные гадания были у нас. Ходили на кресты, где не носят покойников. Сосновой головешкой сделают круг, встают в него и слушают. Если звенят колокольчики — замуж выйдешь, дерево упадет — к смерти» (Зап. от Марии Ильиничны Буровой, 1925 г. р. (урож. д. Тобошево), д. Ермолкино, Вышневолоцкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2010 г.) [ФА ГАСК. № 11].

«На кресты выходили, круг очерчивали, вставали в круг: “Свят вечер, скажи, не солги, что мне будет в нынешнем году”, и — что послышится. Одной в Божьей роще послышалось, что рубят дерево, и она умерла в этот год» (Зап. от Раисы Александровны Давыдовой, 1938 г. р., д. Берёзово, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

То есть упавшее, срубленное, погибшее дерево в перечисленных эпизодах

тверских святочных гаданий, несомненно, символизирует прерванную жизнь человека. Это вызывает в памяти сербское выражение об умершем человеке: «Срубил его дерево» [Толстая 1998, 77].

И напротив, приснившееся живое, растущее дерево рядом с суженым является благоприятным предзнаменованием, во всяком случае, сулит желанное замужество или женитьбу.

«На Рождество и Крещение гадали в Себрово, и я гадала. Еще я девушка была... Вот лично сама на зеркало гадала — два зеркала, одно впереди, другое сзади: суженого-ряженого своего смотреть. Смотрю, сидит около большого дерева... точно, оказался мой муж... И у подружки правда сошлось — в зеркале показалось большое дерево, и он сидит...» (Зап. от Р. П. Камшилиной, см. выше) [ФА ГАСК. № 12].

Совершенно очевидно, что в этих гаданиях дерево выступает вегетативной метафорой человеческой жизни, красноречиво обозначая тот или иной эпизод жизненного цикла человека.

ЯБЛОНЯ

Очень распространена на Тверской земле традиция святочного гадания под яблоней. Как известно, яблоня в славянских мифопоэтических представлениях о мире занимает видное место. В русских народных сказках она выступает как наделенное волшебной силой дерево, покровительствующее добрым людям. В одном случае яблоня укрывает беглецов от преследователей, в другом — помогает героине-сироте Хаврошечке, поднимая на недосягаемую высоту ветви перед дочерьми мачехи и опуская ветви с яблоками перед сиротой, которая смогла вручить яблоко царевичу, благодаря чему и стала ему невестой. Славянские фольклорные тексты различных жанров сохранили многочисленные свидетельства о традиционном значении яблони в обустройстве счастливого брака. В соседней с Тверской Псковской губернии «...люди, случайно встретившие на дороге сватов, кричали: “Яблоня вслед!” (т. е. “Удачи вам!”)» [Шангина 2008, 256].

В тверской святочной пророческой практике яблоня помогает гадающим девушкам узнать свое будущее. В Тверском уезде (Калининский р-н) в начале XX в. (1903 г.) зафиксированы следующие

ритуальные действия: «Садятся под яблоню и слушают. Если услышит унылую песню, то кто-нибудь умрет. Одна говорит, что когда она сидела, то по изгороди как будто метлой помело. Через год они стогрели, и она объясняет так, что «он» выметал все из дому, т.е. все стогрело» [Гадания 1903, 320–321].

О стойкости народной традиции можно судить по тому факту, что и в начале XXI в. старожилы Торжокского района Тверской области еще хорошо помнят традиционные общеизвестные в свое время обстоятельства святочных гаданий под яблоневым деревом в центре очерченного круга:

«На Святки мама научила, мы пошли слушать под яблоню. Сделали круг, три раза повторили: “Я в черте, черт за чертой”. Потом загадали: “Залай, залай, собачка, у свекра во дворе”. Нам послышалось, что собака лает в Зенцове» (Зап. от Антонины Алексеевны Яковлевой, 1931 г. р., д. Зенцово, Торжокский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2007 г.) [ФА ГАСК. № 8].

«Вот в Святки совершенно точно, ничуть не преувеличиваю, девушка была Соня, она постарше меня. Сидели мы с ней с вечера, и я собираюсь идти домой. Она говорит: “Пойдем, Шурка, к нам в огород, под яблоней погадаем”. Она под одну яблоню станвится, я — под другую, чертмн круг. Чертишиш и говоришиш: “Я — в черту, а черт — из черты”. Вот так три раза обговорили. Сама в кругу будещь. Яблоня в кругу. Сидим слушаем. Вот идут ребята, играют с гармонью из другой деревни, да так играют! Я думаю: “Чё она не идет? Ребята тут уже идут, плясать надо”. Она там знай молчит. Я говорю: “Пойдем в Якишино, фоминские пришли с гармонью”. Она говорит: “Не, вот я поезд слышала, как в Щербове ехал”. Я говорю: “Фоминские пошли с гармонью в Якишино, пойдем”. Она говорит: “Не слышала я ничего. Вот в Щербове поезд, гудел даже”. Я помоложе, удаляя была, мне плясать хочется, а Соня никуда не пошла. И ведь вы подумайте, она уехала, в Германию, а я плясать осталась» (Зап. от Александры Алексеевны Королевой, 1931 г. р. (урож. д. Мишково), д. Стёпанково, Торжокский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2009 г.) [ФА ГАСК. № 10].

Тверские святочные гадания под яблоней являются реликтом древних сакрализованных действ, свидетельствующим

о силе священного чувства, которое испытывали наши предки к дереву, и в частности к яблоне. В эпизодах гадания в кругу под деревом растение выступает священной сенью, сакральным локусом, позволяющим рассчитывать на действенное заклинание и достоверное пророчество о будущем.

БЕРЕЗА

Еще одним ритуально насыщенным растением в тверской зимней календарной обрядности является береза. Подобно яблоневому дереву, она выступала центром святочного гадания в кругу накануне Рождества:

«Еще ходили гадать к березе, чтобы не видал тебя никто, и ты, мимо кого пройдеши, не говори, куда ты идешь, зачем, когда оттуда придеши. Не разговаривай, не гляди ни на кого, только думай сама себе, чтобы твое желание исполнилось. И оттуда иди молча, по сторонам не гляди, иди прямо по дорожке, смотри под ноги и всё. И я ходила. Подойдеши к березе, круг очертиши, встанешь в круг с березой рядом и приговариваешь: “Береза белая, возьми от меня красное, а дай мне белого”. Тогда придет к тебе беленький, жених-то. Чтобы жених у тебя был не рыжий, а беленький или русый. Хоть и говорят: “Рыжий да рябой — народ дорогой”, а все равно рыжих не любили, просили не рыжего» (Зап. от Валентины Васильевны Ивановой (Суворовой), 1931 г. р. (урож. д. Черный дор), д. Покровское, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2012 г.) [ФА ГАСК. № 13]. Несмотря на то что жительница Осташковского района назвала этот ритуальный эпизод гаданием, очевидно, что в данном случае происходило магическое заклинание с произнесением заговора, молитвенное обращение к дереву с конкретной просьбой.

В тверских обрядах зимних Святок зафиксированы множественные свидетельства применения березовых прутьев или веников в святочных магических практиках и ритуальных бесчинствах. Одним из распространенных магических заклинательных действ с березовыми ветвями является ритуальное прокладывание дороги между будущими женихом и невестой. Эти магические манипуляции схожи с вышеизложенными способами «вешить дорогу» с помощью еловых и сосновых деревьев.

«Воровали березовые веники. Вот знают, кто с кем дружат. В доме надо украсть веник, чтоб проторить дорогу. Веник украдут и возьмут от крыльца до крыльца девушки наторкают, дорожку сделают. Значит, ты женишься на ней» (Зап. от А. Г. Барановой, см. выше) [ФА ГАСК. № 12].

«В зимние Святки собираемся вечером: "Пойдемте по домам!" Раньше веники бязрезовые были. И вот входили в каждый дом, вскакивали и хватали веник, это в Святки. Стараешься схватить веник, он в уголочке стоит, кто успеет. В другой дом придешь, там уже спрятано специально. Мы потаям (тайно) дверь открывали, вскакивали по два человека и старались схватить веник (потому что так нам не давали) и бежать. Это было так принято. Потом идем в следующий дом. Соберем эти веники в кучу, эти веники распускаем и начинаем вешечки ставить. Ставим вешечки, какой парень к какой девке ходит. В снег втыкали. Если они в одной деревне, то между домами — от парня девушке. Потом за деревню, пока всем веточки не расставим: и к Веретью наставим, и к Щучью проторкаем. Например, ко мне ходил с Малого Веретья парень, так веточки надо поставить, от меня к его дому, наведем дорожку, наставим вешечки. Наторкаем веточки и слава тебе господи» (Зап. от Раисы Григорьевны Семеновской, 1940 г. р. (урож. д. Заозерье), Осташковский р-н, с. Святое. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

«Воровали березовые веники — тихоночка войдешь, хватать и бежать! А потом этими вениками разметали тропиночки от своего крыльца до крыльца парня, чтобы замуж за него выйти» (Зап. от Антонины Егоровны Рассадкиной, 1931 г. р. (урож. д. Гринино), с. Себрово, Осташковский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2011 г.) [ФА ГАСК. № 12].

Иногда заклинательные действия с березовыми вениками или метлами по привораживанию женихов попутно сопровождалась гаданиями.

«Вот в Святки <...>. На метлах ездили (метлы делали из березового голика). Садимся на метлу вот так — меж ног, и вдоль деревни и вот так дорожку разматаем, пугаем. Проедешь по деревне, это значит, выйдешь замуж — хорошая будет

свекровь. Если метла соскочит, то плохая будет» (Зап. от Екатерины Алексеевны Легановой, 1922 г. р., д. Негонов, Торжокский р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2007 г.) [ФА ГАСК. № 8].

Почти сто лет назад в журнале «Тверская старина» этнографы сообщали об очень похожих способах магического заклинания с помощью березового веника, к которым прибегали девушки того времени: «Некоторые из девиц выходят ко двору. Одна из них берет метлу и начинает от соседнего двора или с дороги приметать снег к своему двору, — это значит, что жених придет к ее дому» [Иванов 1912, 29–35].

Пользовались наши бабушки березовыми метлами и для совершения действий негативной магии: «Под окнам бегали, побягут женихов отмятат голяками по стеклам друу другу. Это вот на повороты (22 декабря), вот не поладят, рассердятся и отмятуют» (Зап. от А. Г. Барановой, см. выше) [ФА ГАСК. № 12].

Ритуальная магически-заклинательная езда на метлах использовалась и в сочетании с гаданием-слушанием. «На улице гадали, бувало. На мятле ездили, под окно слушали: "Как мово суженого-ряженого зовут?" С дому там скажут: "Ванька"» (Зап. от Д. Н. Федоровой, см. выше) [ФА ГАСК. № 6].

В Торопецком районе зафиксировано сообщение о своеобразном заклинании-гадании с лучиной, которую зажигали, предварительно смочив ее в проруби, но была лучина не сосновой, как в большинстве свидетельств, а березовой. Показательно и то, что на лучине «ехали как на лошади», т. е. совершали магическое действие, подобное езде на метле.

«Отец у нас был чудотворец, шутник и всегда с детьми занимался, а его и приглашают, везде зовут. Он нащипает нам от березового полена лучин, и мы ехали на лучине, как на лошади, мочили в проруби и зажигали. Чья раньше загорится, та первая замуж выйдет» (Зап. от Анисьи Ивановны Шевелевой, 1919 г. р. (урож. д. Липовка), пос. Плоскошь, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2005 г.) [ФА ГАСК. № 6].

Березовые веники или прутья пользовались большой популярностью наряду с другими символически осмысляемыми предметами (гребенка, зеркало, замок, пояс, ложка куты с рождественского

ужина или зерно и др.), которые девушки клали под подушку, призывая суженого показаться во сне.

«На Святки девчонки гадали с венником. На ночь брали венник березовый под подушку: “Суженый-ряженный, приходи в зеленый сад гулять”» (Зап. от Нины Ивановны Степановой, 1929 г. р. (урож. д. Манушкино), д. Руново, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2005 г.) [ФА ГАСК. № 6].

«Березовые прутья ломали и клали под подушку: “Суженый-ряженный, приходи в мою рощу гулять”» (Михайлова Анна Михайловна, 1917–2003, д. Чистое, Торопецкий р-н) [ФА ГАСК. № 4].

Память об архаичном святочном обрядовом действе, связанном с поклонением водным источникам в Водокреши (Крещение) и установлением на колодцах крестиков из березы или сосны, сохранилась в селениях Торопецкого района.

«На Крещение у колодца, где воду брали, кресты бязевые ставили... С дерева отцепишь лучининку, и вот сюда... у колодца. Наряжают это, бывало, тряпкам, тряпочкам, бумажкам, всяко. Молодежь стоит, где колодец, говорит: “Ой, как наряжено!”» (Зап. от Д. Н. Федоровой, см. выше) [ФА ГАСК. № 6].

«В Крещение двери закрепивали. В колодец вторнешь березовый крест, украшенный цветными нитками и тряпками» (Зап. от Михаила Ивановича Данилова, 1926 г. р. (урож. д. Задний Брод (около Пожни)), д. Чистое, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2003 г.) [ФА ГАСК. № 4].

«В Крещение кидали деревянные — из березы — крестики в колодец. Помню, около колодца стоит старушка и держит тарелочку с пирожками, люди подходят, берут и едят, колодезной водой запивают» (Зап. от Агафьи Григорьевны Евгеньевой, 1915 г. р. (урож. д. Рудаково (около д. Скворцово), Торопецкий р-н), г. Торопец. Соб. С. А. Ситникова. 2003 г.) [ФА ГАСК. № 4].

«В канун Крещения все надо закрестить угольком. На колодец принести крест из сосновых лучинок, достать из колодца воды, обязательно побрызгать в доме и особенно в хлеву» (Зап. от Василия Ивановича Антонова, 1917 г. р. (урож. д. Борок), п. Плоскошь, Торопецкий р-н. Соб. С. А. Ситникова. 2005 г.) [ФА ГАСК. № 6].

Печатные фольклорно-этнографические материалы совсем недавнего

времени (начало XVIII в., XIX в., начало XX в.), а также информация экспедиций последних лет свидетельствуют о существовании практически в наше время в прямом или отголосочном виде священных служений у деревьев во всех звеньях годового календарного круга (зима — весна — лето — осень): обрядовые деревья украшали цветами, лентами, овощами, фруктами; вокруг растущего дерева исполняли ритуальные песни, хороводы, осуществляли гадания и магические действия; на деревьях ритуально сжигали колеса, смоляные бочки, антропоморфные чучела; под ними совершали обрядовую трапезу [Агапкина 2002, 142–143; Ситникова 2010, 87–95].

Как видно из вышеизложенного фольклорно-этнографического материала, в тверской зимней святочной традиции задействован не только богатый перечень деревьев (ель, сосна, береза, яблоня), но и разнообразные обрядовые формы их вовлечения в священнодействия. В одних обрядовых эпизодах дерево в явном или в отголосочном виде сохраняет значение центра, самого плотного в сакральном отношении локуса, в котором происходит ритуал (расположение в кругу под деревом, в тверском варианте — под яблоней или березой). Гадания в кругу под яблоней, в частности, выглядят отголосками древних вопросно-ответных диалогов на космологические темы, загадывания ритуальных загадок, которые приурочивались к границе Старого и Нового годов [Топоров 2010а, 333].

Другие обрядовые условия, соблюдаемые исполнителями обрядов, свидетельствуют об отголосках архаичных представлений о дереве как о воплощении женского божества (обращение к дереву с мольбой, ряжение в дерево-женщину), а также о символическом тождестве, взаимозаменяемости растения и человека (соотнесение ели с девушкой, судьбы дерева с жизнью человека).

В целом ряде тверских обрядовых эпизодов, связанных с гаданиями и магическими заклинаниями, почитаемое дерево участвовало как часть священного целого (в виде лучин, огарков, хвои, ветвей).

Судя по представленным свидетельствам, часто одни и те же виды гаданий или магических заклинаний исполнялись с разными растениями: ель, сосна, береза могли в том или ином виде

участвовать во всех гаданиях с лучиной, огарком, крестиком у колодца, в магической практике «вешить» дорожки; гадать могли и под яблоней, и под березой; воплощением божества или метафорой человека могли быть и ель, и сосна, и береза, и яблоня.

В заключение хотелось бы отметить, что флора святочной тверской традиции включает не только деревья. Существует целый ряд других растений, вплетенных в ткань тверской святочной традиции, освещение роли которых — тема других публикаций.

Источники и материалы

Гадания 1903 — Гадания. Из материалов, собранных Ф. С. Климко // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. 1. С. 320–321.

Иванов 1912 — *Иванов М. И.* Святочные новогодние гадания // Тверская старина. 1912. № 1.

Мифологические рассказы 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О. А. Черепанова. СПб., 1996.

ФА ГАСК — Фольклорный архив Государственной академии славянской культуры

Исследования

Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Зеленин 1999 — *Зеленин Д. К.* Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917–1934 / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1999. С. 140–180. (Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения).

Кирсанов 2014 — *Кирсанов А. Г.* Старинные свадебные обычаи в Бежецком крае // Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край»: Традиционная культура Бежецкого края. Бежецк, 2014. Вып. 11. С. 8–38.

Копылова 1999 — *Копылова М. Л.* «Волочение ели» в селах Оршанского района Республики Марий Эл // Живая старина. 1999. № 4. С. 29.

Пропп 1995 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

Ситникова 2010 — *Ситникова С. А.* Масленичная обрядность в Торжокском районе Тверской области (по материалам экспедиций ГАСК 2006–2009 гг.) // Матер. науч.-практ. конф. «Связь времен» / Ред. Б. Н. Глебский. Торпец, 2010. С. 87–95.

Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и матер. памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 72–77.

Традиционная культура Тверского края 2014 — Традиционная культура Тверского края: Свадьба: Памяти Н. П. Кудряшова (1924–1998): Статьи и публикации / Ред. М. Л. Логунов и др. Тверь, 2014.

Топоров 2010 — *Топоров В. Н.* «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М., 2010. С. 263–289.

Топоров 2010а — *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов // Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М., 2010. С. 324–336.

Шангина 2008 — *Шангина И. И.* Русские девушки. СПб., 2008.

Фаминцын 1895 — *Фаминцын А. С.* Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян // Вестник Европы. 1895. № 7. С. 149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситникова С. А. <https://orcid.org/0000-0001-5071-8887>

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры народного художественного творчества, Тверской филиал Института славянской культуры при Российском государственном университете им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство): Российская Федерация, 170100, г. Тверь, Смоленский пер., д. 1, корп. 2; тел.: +7 (4822) 33-15-01; e-mail: mvgask@mail.ru

TREES IN CALENDAR RITUALISM OF TVER' REGION (CHRISTMASTIDE)

SVETLANA A. SITNIKOVA

(Tver' Branch, State Academy of Slavic Culture: 1–1, Smolenskiy side-str., Tver', 170100,
Russian Federation)

Summary. This paper is based on folklore and ethnographic evidences of remaining relicts of sacred attitude to plants in the ritualism of Christmastide in some parts of Tver' region. These evidences have been received both by the author herself during long-term folklore-ethnographic field-work at Tver' region and also found out in printed scholarly literature. Due to the stated theme, the article deals with evidences of the winter traditional calendar agricultural customs of Tver' region equipped with vegetation attributes and symbols.

The article is built consistently in accordance with the calendar festive dates of Christmastide. Evidences of archaic calendar phenomenon of the vegetation cult are selected both for wild-growing and cultivated plants. Presentation of the folklore-ethnographic data is intended to the systematization of the material connected with the ritual-magic and oracular function of plants in the rite. In particular, there are ritual episodes revealed in Christmastide and Shrovetide where trees are figuring as a ceremonial center and take the role of the ritual tree. The other side of the vegetation cult represented in the article is connected with the sacred status of definite plants in the calendar of Tver'. That status allows involving them in the ceremony as a sacred locus or sacred attribute what should provide efficiency of magic spells and prophecy. Besides that, the article considers mythopoeic echoes of the traditional perception of plants as symbolic substitutes of a human remaining in the rites.

Key words: ritual tree, calendar tradition, ceremonial center, sacred locus.

References

Agapkina T. A. (2002) Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy tsikl [Mythopoeic foundations of Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow. In Russian.

Famintsyn A. S. (1895) Boginya vesny i smerti v pesnyakh i obryadakh slavyan [Goddess of spring and death in songs and rites of Slavs]. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe]. 1895. No. 7. P. 149. In Russian.

Ivanov M. I. (1912) Svyatochnye novogodnie gadaniya [Yuletide Christmastide divinations]. *Tverskaya starina* [Tver' antiquity]. 1912. No. 1. In Russian.

Kirsanov A. G. (2014) Starinnye svadebnye obychai v Bezhetskom krae [Old wedding customs in Bezhetsk territory]. *Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh «Bezhetskiy kray»*: Traditsionnaya kul'tura Bezhetskogo kraya [Local historical almanac "Bezhetsk territory": Traditional culture of Bezhetsk territory]. Bezhetsk. 2014. Issue 11. Pp. 8–38. In Russian.

Kopylova M. L. (1999) «Volochenie eli» v selakh Orshanskogo rayona Respubliki Mariy El [Spruce dragging in villages of Orshanka district of Mari El Republic]. *Zhivaya starina* [Alive antiquity]. 1999. No. 4. P. 29. In Russian.

Logunov M. L. (ed.) Traditsionnaya kul'tura Tverskogo kraya: Svad'ba: Pamyati N. P. Kudryashova (1924–1998): Stat'i i publikatsii [Traditional culture of Tver' region: Wedding: In memoriam of

N. P. Kudryashov (1924–1998): Papers and publications]. Tver'. In Russian.

Propp V. Ya. (1995) Russkie agrarnye prazdniki [Russian agrarian holidays]. St. Petersburg. In Russian.

Shangina I. I. (2008) Russkie devushki [Russian maidens]. St. Petersburg. In Russian.

Sitnikova S. A. (2010) Maslenichnaya obryadnost' v Torzhokskom rayone Tverskoy oblasti (po materialam ekspeditsiy GASK 2006–2009 gg.) [Shrovetide ceremonialism in Torzhok district of Tver' region (in materials of expeditions of State academy of Slavic culture)]. Mat. of sc.— pract. conf. "Link between times". Ed. by B. N. Glebskiy. Toropets. Pp. 87–95. In Russian.

Tolstaya S. M. (1998) Simvolicheskie zamestiteli cheloveka v narodnoy magii [Symbolic substitutes of human in folk magic]. In: Sud'by traditsionnoy kul'tury: Sb. st. i mater. pamyati Larisy Ivlevoy [Destinies of traditional culture: Coll. papers in memoriam of Larisa Ivleva]. St. Petersburg. P. 77. In Russian.

Toporov V. N. (2010) "Mirovoe derevo": universalnyy obraz mifopoeticheskogo soznaniya [World tree: universal image of mythopoeic consciousness]. In: Mirovoe derevo: Universalnye znakovye komplekсы [World tree: Universal sign complexes]. Vol. 1. Moscow. Pp. 263–289. In Russian.

Toporov V. N. (2010) K proiskhozhdeniyu nekotorykh poeticheskikh simvolov [Origin of some poetic symbols]. In: Mirovoe derevo: Univer-

sal'nye znakovye kompleksy [World tree: Universal sign complexes]. Vol. 2. Moscow. Pp. 324–336. In Russian.

Zelenin D. K. (1999) Totemicheskiy kul't derev'ev u russkikh i belorusov [Totemic cult of

trees among Russian and Belarusians]. In: Izbrannye trudy: Stat'i po dukhovnoy kul'ture. 1917–1934 [Selected works: Papers on spiritual culture 1917–1934]. Pref., comp., ed., comm. by T. G. Ivanova. Moscow. Pp. 140–180. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Sitnikova S. A. <https://orcid.org/0000-0001-5071-8887>

E-mail: mvgask@mail.ru

Tel.: +7 (4822) 33-15-01

1-1, Smolenskiy side-str., Tver', 170100, Russian Federation

PhD (Pedagogics), associate professor, Tver' Branch, State Academy of Slavic Culture
